

А. В. ЛУНАЧАРСКИЙ

Васильевича о Ленине, однако все мои попытки найти его пока не увенчались успехом.

К 100-летию со дня рождения

Возвращаясь к своим творческим планам, Луначарский писал в феврале 1932 года:

«В сущности, как-никак, я живу на земле последние годы. Не подумай, что я собрался умирать. Нет, я очень охотно прожил бы еще (и, вероятно, проживу) лет до 65. (...) Так вот: я очень счастлив думать, что мне осталось еще лет 9, в которые

— говорит Китс в своей «Оде осени».

Какие стихи, богатые полнотой и грациозной важностью! Как могло это 23-летнее дитя в годы, когда ему подобные полны лихорадочных желаний, почувствовать золотое очарование времени жатвы?

«Где вы, песни весенние? О, не думай о них, осень, у тебя — своя музыка».

К этим словам прибавляются и слова шекспировской Клеопатры: «Его щедрость не могла узнать, кому то была такая осень, которая увеличивает свои дары по мере того, как их берут у нее».

Еще ближе загадочные слова Эдгара в «Короле Лире» — «Быть зрелым, это дело в этом».

Во всех этих мыслях — нахожу глубокую связь. Это задумчивое приращение к средоточенности и процветанию.

Разве не замечательная странница? Если бы я тебе писал свои мысли после нее — понятно. Но до? Я тебе пишу их, и вот Китс, Шекспир откликаются!

«Осенняя» Луначарского была поистине «временем жатвы». Написанные им в последние годы жизни произведения являются одними из наиболее глубоких и важных в его громадном литературном наследии. В первую очередь, конечно, «Ленин и литературоведение» — большая статья для Литературной энциклопедии, оконченная в начале 1932 года. В письме от 22 апреля 1932 года есть слова:

«Сегодня у нас нет заседания. Буду заниматься моей крайне ответственной статьей «Ленин» для «Литературной энциклопедии». Если она не удастся вполне — будет большая победа».

Луначарский работал до последнего дня жизни. Смерть прервала диктовку статьи «Марсель Пруст».

Болезнь не сломила мажорную натуру Анатолия Васильевича, не уменьшила его жадного интереса к жизни, к работе, к людям.

Поразительно много говорится в его письмах последних лет о счастье.

«Счастье — это же и есть вдохновение», — утверждает Луначарский, мечтающий что-либо «совершенно горячее от счастья».

А в другом письме есть такие слова:

«Если люди не умеют жить и бороться за свое счастье, то они не стоят... Счастье в самих людях, остальное приложится. А людям малодушным, хандрящим... жалко было бы дарить судьбе хоть каплю счастья».

Хочется привести еще такие слова Анатолия Васильевича: «Строить жизнь, как целое — это в сфере личного существования самое главное».

Вся жизнь Луначарского свидетельствует о редкой чистоте натуры. До конца дней он был полон оптимизма, веры в будущее. Примечательно, что после получения назначения в Испанию он за несколько месяцев самостоятельно выучил испанский язык: читал испанские газеты, книги...

В середине 1932 года он писал:

«В моей жизни было, есть и будет разное. Но в общем же стоило прожить, ее стоить жить».

И. ЛУНАЧАРСКАЯ

1875—1975

ВЫДАЮЩИЙСЯ деятель Коммунистической партии и Советского государства, борясь за создание новой, социалистической культуры, первый нарком просвещения, писатель, критик, искусствовед — таким был Анатолий Васильевич Луначарский. Ленин, под руководством которого работал Луначарский, высоко ценил его, как товарища по партийному делу, пропагандиста, и — по свидетельству Горького — отмечал его «на редкость богато одаренную натуру».

Вместе с тем Ленин подверг острой критике отдельные ошибочные стороны философско-эстетических воззрений Луначарского, которые были им пересмотрены — судя по работам последних лет — на основе ленинизма.

Особое место в кругу многочисленных и разнообразных интересов Луначарского занимала мировая литература, которую он отличал от аналогичных работ Луначарского полно и глубоко раскрывались в его интереснейших работах по зарубежной литературе — умение зорко разглядеть то лучшее, перспективное, что несло с собой передовая культура прошлого и настоящего, умение вести острую и непримиримую полемическую борьбу с врагами социализма и в то же время дружеский, вдумчивый диалог с выдающимися художниками слова, быть тонким и последовательным в систематическом и целенаправленном пропаганде искусства социалистического реализма. Стоит ли говорить о том, какое важное, принципиальное значение имеет изучение творческого наследия Луначарского освоение замечательных традиций для нашей современной критики!

РАЗВИВАЯ идеи Ленина о необходимости для пролетариата освоить все лучшее из культурного наследия прошлого, Луначарский в своих выступлениях и статьях призвал внимательно изучать классическую литературу. Это, считал он, даст возможность современному читателю познакомиться с ее глубочайшими образцами.

Однако, подчеркивал Луначарский, необходимо проводить четкую и строгую грань между учебной и научной спецификацией в области техники и между освоением творческого опыта буржуазных художников. «Технику у буржуазии можно и нужно учиться, но идеология — это не то, что технику, ее нельзя брать и использовать целиком. Критическому усвоению буржуазной культуры, ее высших достижений, учил нас Владимир Ильич (в выступлении 1929 года перед активом издательства «Земля и фабрика»).

Отстаивая партийный, классовый подход к оценке явлений литературы и искусства, Луначарский отвергал вульгарный социологизм, игнорировавший специфику искусства и на практике приводивший к глубокому искажению творчества художников прошлого. Выступал он также и против вульгарного идеалистического взгляда на искусство, доказывая, что только марксистско-ленинская эстетика способна дать полную и объективную картину историко-литературного процесса.

В 1923—1924 годах в Коммунистическом университете имени Я. М. Свердлова Луначарский прочитал для молодых советских специалистов и партийных работников цикл лекций по истории зарубежной литературы, а затем, в 1924 году, издал их отдельной книгой под названием «История западноевропейской литературы в ее важнейших моментах». В воспоминаниях этом сошлись глубокие понимание законов исторического развития с научной марксистско-ленинской трактовкой идейно-художественных достижений прошлого. Мысли, высказанные Луначарским, оказались чрезвычайно важными и существенными для переосмысления истории литературы Западной Европы.

мировой литературы, остается уникальным явлением в истории нашего литературоведения. Поражают не только масштабность мысли Луначарского, его эрудиция, но в первую очередь точность его оценок, умение определить, выявить явления, наиболее важные для мировой культуры. По существу, эта работа Луначарского явилась практическим воплощением ленинской мысли об освоении пролетариатом лучших достижений культуры прошлого. На седьмом году своего существования революционная Советская Россия опубликовала книгу, содержащую трезвую и хозяйственную оценку наследия, которое русская революция сделала достоянием всего народа.

ЗЛОТ творческого наследия Луначарский видел в классическом подходе к литературным явлениям прошлого и настоящего, порой весьма сложным и противоречивым. В многочисленных своих выступлениях и статьях он дал блестящие образцы именно такого, ленинского подхода к творчеству ряда крупнейших западных художников. Под-

БОРЕЦ ЗА НОВУЮ КУЛЬТУРУ

хода, помогающего вскрыть суть волнующих их проблематики, разглядеть объективное содержание их произведений.

Таким, например, было отношение Луначарского к начинающему тогда американскому драматургу Юджину О'Нилу.

Очень тепло встретил Луначарский первые постановки пьес О'Нила на советской сцене. В 1924 году в журнале «Рабочий театр» была опубликована его статья о постановке пьесы «Анна Кристи» в Московском театре «Комедия».

Строго, но объективно, социально точно оценил Луначарский и другую пьесу О'Нила — «Косматая обезьяна», поставленную в Камерном театре.

Критически проанализировав две пьесы О'Нила, Луначарский безоговорочно относился к реалистическому, социальному направлению, которому он противопоставил искусство Америки.

Высоко оценивал Луначарский творчество двух других крупнейших западных писателей — Томаса Манна и Эптона Синклера. «Буржуазия», — писал Луначарский, — старается перенести на свою сторону антибуржуазных интеллигентно-писателей, даже таких, как Эптон Синклер, Томас Манн и другие, им подобных. Литературный пролетариат молодежи на Западе еще очень слаб, — в сущности, кроме Германии, он почти нигде себя серьезно не проявляет». Именно поэтому, считал Луначарский, необходимо всесторонне разоблачать деятельность буржуазных издателей, стремящихся заткнуть в свои сети даже тех художников, которые выступают с антибуржуазных позиций.

Проворливость замечания Луначарского мы сможем оценить в конце сороко-

вых годов, когда американским организаторам «холодной войны» в области культуры удалось, пусть на небольшое время, перенести на свою сторону Эптона Синклера, сделав его орудием своей пропаганды, о чем впоследствии сам Эптон Синклер горько сожалеет.

Борьбу за этих писателей, борьбу против буржуазной пропаганды — к этому призывал Луначарский. Наиболее перспективный и верный путь привлечения западных художников на сторону пролетариата, считал Луначарский, — это открытый дружеский разговор, диалог с ними, призванный раскрыть марксистскую точку зрения на происходящие в мире важнейшие события, на место литературы в жизни общества, откровенно высказать свои несогласия с теми или иными позициями западных художников, чтобы привлечь его на сторону самого передового и прогрессивного дела.

При этом А. В. Луначарский особенно внимательно был к талантливым художникам, стремящимся преодолеть инстинкты отталкивания, предрассудков. «Самой неприятной чертой в высшей степени симпатичной и талант-

ветской литературе, ибо литература социалистического реализма — «прежде всего это тоже реализм, верность действительности».

Вместе с тем Луначарский решительно осуждал попытки уложить искусство социалистического реализма в прокрустово ложе заранее заданных формул и рецептов. Четко очертив идейно-эстетические границы социалистического реализма, он считал необходимым при его характеристике «исходить из основного определения художественного реализма, ибо реалистическое искусство предполагает, с одной стороны, что его объектом является сама жизнь, как она есть, что, с другой стороны, художник-реалист, не являясь рабским фотографом и «натуралистом», обрабатывает эту реальность, выделяя в ней типичные черты путем, так сказать, зачеркивания, устранения целого ряда неуместных подробностей».

Развивая эту мысль, Луначарский указывал на богатство возможностей, которые открывает художнику сам характер творческого процесса социалистического реализма. «Уже из этого ясно, что в пределах художественного реализма мы будем иметь большую лестницу от такого искусства, которое будет почти граничить с реализмом (и это вполне марксистский прием показать, например, как определенная личность развращается из совершенно конкретной вещи, окружая ее собой, сплывая с ней), до типизации высоко возносящей над конкретной действительностью и приобретающей почти характер типов всеобъемлющих».

Развивая и обогащая литературу социалистического реализма, указывал Луначарский, необходимо творчески осваивать и лучшие традиции передовых зарубежных художников. «Мы распадаемся — под черепицей Луначарский, — гораздо большими сокровищами и гораздо более широкими путями в будущем, чем Запад». Однако не хотим «отгородиться от Запада и по-трибундовски возвращаться к какому-то доисторическому Китаю» — предупредил у него незнакомый иностранец. Ведь «на Западе имеется и революционное искусство, имеющее искусство пролетарское и чрезвычайно широкое меднобуржуазное искусство, создающее тем не менее, которое все энергичнее поворачивает к нам». Передовым зарубежным художником Луначарский, как видим, отводил важное место в том содружестве антибуржуазных прогрессивных деятелей литературы, за которое он ратовал.

Луначарский верил в неисчерпаемость возможностей искусства социалистического реализма, искусства, которое открывает подлинный простор для свободы творчества. «Побольше свободы творчества, но и весьма определенных рамках, указанных партийной и наступательной партийной позицией, из которой исходил Луначарский в работе с зарубежными мастерами культуры».

Одна из последних работ Луначарского — доклад, с которым он выступил на втором пленуме Оргкомита Союза писателей СССР 12 февраля 1933 года, — была посвящена проблемам социалистического реализма. Подводя итоги почти двадцатилетнему развитию молодой советской литературы и определяя главные черты нового, творческого метода, Луначарский подчеркивал, что этот метод универсален и применим не только к со-

РАЗБИРАЯ домашний архив после смерти матери, и в том числе письма к ней Анатолия Васильевича Луначарского, я не уставала удивляться тому, как ярко отразились в них личность блестящего человека, широта его интересов, кипучая энергия политического деятеля, глубокий ум ученого.

Работая над воспоминаниями, Наталья Александровна не могла использовать писем Анатолия Васильевича — болезнь глаз была непреодолимым препятствием для чтения мелкого, чрезвычайно неразборчивого почерка, который делает такой трудной работу с его рукописями. Он и сам далеко не всегда мог прочесть ранее написанное.

Работа над расшифровкой писем Анатолия Васильевича еще не полностью завершена, но сейчас уже можно приступить к их публикации. Здесь я расскажу лишь о небольшой части из тех писем (всего их около трехсот), которые написаны из-за границы с 1929 по 1932 год, когда в качестве заместителя главы советской делегации он бывал на заседаниях Комиссии по разоружению Лиги Наций в Женеве и в других городах Европы, на различных конгрессах, посвященных вопросам культуры.

(Более широкая публикация писем А. В. Луначарского дается в «Новом мире», № 11, 1975.)

Писал он ежедневно, зачастую в форме дневника: начинал, встав утром, приписывал днем, после обеда, вечером и даже, если плохо спал, ночью.

Многие письма содержат информацию о событиях политических, дипломатических, культурных того времени. Интересны описания встреч с Романом Ролланом, Виктором Маргеритом, Ле Корбюзье и другими выдающимися деятелями. Наконец, в ряде писем — мы найдем своеобразные критические эссе, поводом для которых могли стать и перечитанный «Фауст» Гёте, и прочитанный на ночь «развлекательный» роман. Вот, к примеру:

«Вчера на ночь прочел роман Ж. Рони «Клар Тэссель». Женщина адвокат, тип соавременной французской адвокаты. Но, конечно, реализмом от этого романа не пахнет. Адвокатесса — красавица, умница, вместилище всех добродетелей, и гораздо больше занимается романами, чем делом. Кроме того, фигурирует добродетельный миллионер и, пожалуй, ни одного отрицательного типа. Автор подходит к намеренной мягкотелости и избранию и оставляет все время на поверхности. Однако многие его невольные штрихи и обмолвки вызывают настоящую гадливость к современному французскому буржуазии. А каким срамом наивно поведать, если бы серьезный писатель типа Мирбо или Золя описал современный судейский мир Франции и их жен и этих самых адвокатесс. При известном внимании даже сквозь розовую одолонную дымку Рони можно отметить всю беспринципность, всю опустошенность поколений, прошедших через войну...».

Анатолий Васильевич делился с женой всеми своими планами и строил их, надеясь, что проживет до 65 лет.

В марте 1932 года он писал:

«...Вообще ведь я мало болел в жизни. Если сердце не будет слишком шалить — то я еще лет 10 проживу! Больше, пожалуй, не надо. Но жить хорошо... Великолепная вещь — человеческая мысль. Политика сейчас горька, хотя очень сильна, и, конечно, она

все-таки тоже и картина великих, причудливых явлений и высокое искусство».

Дети! Это большая прелесть. (...) Нет, хорошо!

Творческие планы Луначарского были рассчитаны с учетом своих возможностей, работоспособности, а следовательно, и времени на их претворение в жизнь.

В течение нескольких лет он добивался таких условий работы, которые позволяли бы ему создать то, что он называл «трудными книгами» — три книги. Первая из них — книга о Владимире Ильиче Ленине, вторая — «Смех как оружие классовой борьбы», в которой он собирался «широко изложить» свою эстетическую и третью, как он писал, должна была быть «теорией и историей живой мудрости». Четвертой книгой, «если хватит сил», должны были быть его мемуары. Но приняться за них он собирался после того, как ему «стукнет 60 лет».

Идея этих книг вынашивалась несколько лет, особенно книги о Ленине, создать которую он считал своим долгом.

«ВЕЛИКОЛЕПНАЯ ВЕЩЬ — ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ МЫСЛЬ»

ИЗ ПИСЕМ А. В. ЛУНАЧАРСКОГО

Для книги о Ленине уже был составлен план. История его подготовки такова. Летом 1930 года, в Париже, Международное литературное агентство (АЛИ) предложило Анатолию Васильевичу подписать контракт и написать книгу о биографии Ленина. Можно предполагать, что Анатолий Васильевич не дал тогда ответа, ясно представляя себе тот огромный труд, который надо вложить в создание подобной книги. Вот что он писал Наталье Александровне по этому поводу из Женевы в ноябре 1930 года:

«АЛИ обратилось и сюда ко мне насчет книги о Ленине. Но о двух показательных главах не может быть и речи — для этого надо весьма серьезно работать».

Конечно, писать им нечто вроде оглавления я могу и пошулю. Но что смущает меня, детка! Скажу тебе прямо — в Москве я такой книги никогда не напишу. Выйдет только конфуз с контрактом. Поэтому подписать его я могу только в том случае, если получу заграничное, более или менее спокойное назначение.

А книгу о Ленине я хотел бы написать. В сущности, моя тема: Ленин как тип гения и героя (...). А Ленин как полный, новый и, так сказать, прозрачный по своему социально-психологическому строю тип гения. Такое убедительного еще не было...

Но это очень большая работа. (...) Для этого у меня есть все... Кроме времени. Нужен год-полтора, при ежедневной кропотливой работе часов в 12—15...

Возможно, в архиве агентства АЛИ до сих пор хранится план предлагаемой работы Анатолия

А. Луначарский среди молодых рабочих. 1927 г. (Публикуется впервые)

А. Луначарский, К. Станиславский и Б. Шоу. 1931 г.